

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В БЕЛОРУССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Асп. КОЖИЧ Н. М.

Институт философии НАН Беларуси

В настоящее время Русская православная церковь (РПЦ) стоит перед необходимостью активизации деятельности, главной целью которой являются расширение религиозной пропаганды, повышение авторитета церкви в общественной жизни. Это вполне закономерно предполагает обращение к наследию исторических традиций православного миссионерства. Миссионерство обычно рассматривают как «деятельность церковных организаций по распространению религии среди иноверцев в своей стране и за ее пределами» [1].

Церковь в Российской империи на протяжении многих столетий рассматривала религиозную пропаганду в качестве одной из своих основных обязанностей. В 1870 г. в Москве было основано Православное миссионерское общество, которое занималось изысканием необходимых средств и изданием специальной литературы. К началу XX в. на попечении общества находились 8 миссий в Сибири, 13 – в Европейской части России и 1 – в Японии [2]. Таким образом, православная церковь создала широкую сеть внутренних и внешних миссий. Внешняя миссия действовала среди неправославного населения внутри и за пределами государства, внутренние – среди тех, кто отделился от официального православия – старообрядцев и сектантов. Миссионеры использовали различные формы работы, основными из которых были устройство школ и библиотек, церковная проповедь, беседы и обличение религиозных взглядов иноверцев. Государство, поддерживая церковь, выделяло значительные финансовые средства на развитие миссии, а также предоставляло православию монополию в области миссионерства.

Тем не менее церковь сталкивалась с определенными трудностями. Деятельность внутренних миссий осложнялась тем, что процессы демократизации во второй половине XIX в. коснулись и конфессиональной политики. Государство пошло на уступки старообрядцам, так как в их руках были сосредоточены огромные капиталы, которые в условиях новой России могли иметь свободное хождение. В силу этого старообрядчество стало более активно проявлять себя в общест-

венной жизни страны. В 1883 г. правительство издало указ о даровании старообрядцам различных гражданских прав. Инаковерующие получили возможность занимать общественные должности, им разрешалось совершать публичные богослужения, строить молитвенные дома [3].

Активизация миссионерских усилий РПЦ сопровождалась открытием кафедр по изучению и обличению раскола, учреждением при семинариях миссионерских отделений, изданием полемических противораскольнических сочинений. В 1888 г. в «Церковном вестнике» были опубликованы изданные Святейшим Синодом «Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам». Вводились должности епархиальных и уездных миссионеров, которые должны были проводить собеседования со старообрядцами и сектантами, убеждать их в истинности православного учения. При этом предписывалось соблюдать «кроткое обращение и снисходительное терпение», не прибегать к содействию полицейской власти для обеспечения тишины и порядка. Вести миссионерскую работу были призваны и приходские священники, в обязанность которых входило устройство церковно-приходских школ и школ грамоты, распространение литературы с «раскрытием заблуждений раскольников и сектантов», проведение внебогослужбных собеседований и чтений среди своих прихожан [4].

Выработка эффективных организационных мер по борьбе с иноверием была возложена на всероссийские миссионерские съезды, которые проходили в 1887, 1891 и 1897 гг. в Казани и Москве. Помимо деклараций о необходимости искоренения недостатков в деятельности православного клира и призывов к добросовестному исполнению пастырских обязанностей, съезды определили принципы миссионерства как принципы «...мира, любви и сожаления к врагам Церкви». Большое внимание съезды уделяли сотрудничеству с гражданскими властями, стремясь получить от них поддержку при решении конкретных проблем, связанных с отпадением верующих от православия: запретить сектантам

отлучаться из мест жительства без разрешения губернатора, приобретать земельную собственность и т. д. [5].

Подобные факты свидетельствуют о том, что РПЦ оказалась в сложном положении. С одной стороны, она по-прежнему оставалась господствующей по отношению к другим религиозным конфессиям и поддерживалась государством, с другой – государство объективно было вынуждено вступить на путь компромиссов в решении религиозных проблем в связи с изменениями социально-экономического и политического характера. В этих условиях РПЦ оказалась перед необходимостью глубинных реформ, прежде всего организационных, осуществление которых было невозможно из-за отсутствия материальных средств, сословной замкнутости духовенства и, что немаловажно, зависимости от государства в лице весьма представительного чиновничества всех уровней. Поэтому не случайно основным обвинением в адрес церкви продолжало оставаться выполнение ею политических задач, которые ставило перед ней государство.

Поликонфессионализм в Белоруссии осложнял миссионерскую деятельность РПЦ и придавал ей особую окраску. Издавна на белорусской территории сосуществовали православные и католики, а со второй половины XVII в. – и старообрядцы. Старообрядчество с момента своего возникновения разделилось на поповщину и беспоповщину, которые впоследствии распались на множество согласий по причине споров по вопросам культа и отношения к властям. В конце XVIII ст. по инициативе государства возникло единоверие с целью подчинить старообрядцев своему влиянию. В единоверии сохранялись старые обряды и символика, при этом старообрядцы должны были принимать священство от официальной церкви и подчиняться Святейшему Синоду. В 1784 г. в Гомеле была построена первая в Белоруссии единоверческая церковь, постепенно открывались единоверческие монастыри [6]. Становление единоверческой церкви продолжалось в течение всего XIX в.

Для борьбы с расколом и другими конфессиями в белорусских епархиях учреждались должности епархиальных миссионеров, главной задачей которых являлось ведение полемических бесед с иноверцами. Однако число старообрядцев не уменьшалось. В Минской епархии насчитывалось свыше 10000, в Могилевской – 28281, в Полоцкой – до 82000 старообрядцев [7]. Трудность миссионерской работы со старообрядцами заключалась в том, что последние отличались консервативностью религиозных взглядов, а присущие им такие качества, как трудолюбие и

взаимопомощь, способствовали укреплению единства в старообрядческой среде. Другой, не менее важной, причиной было отсутствие необходимого количества профессиональных миссионеров. На каждого из них только в Полоцкой епархии приходилось примерно 4000 старообрядцев, поэтому миссионер, не имея реальной возможности быть хорошо осведомленным об их жизни, образе мыслей, тем более не мог в полной мере повлиять на их религиозные убеждения. Так, преподаватель Витебской духовной семинарии В. Беляев отмечал, что «вся деятельность миссионера в таком случае сводится лишь к тому, что он и то с большим трудом устроит беседу, на которую едва соберет десяток-другой старообрядцев... Такого рода деятельность миссионеров носит по необходимости чисто формальный характер и не приносит никакой пользы для ослабления раскола» [8]. Наряду с указанными выше причинами малоуспешной миссионерской деятельности следует назвать также недостаток материальных средств и литературы. Кроме того, в среде православного духовенства отсутствовали единство и сотрудничество, особенно среди приходских священников. На епархиальном миссионерском съезде, состоявшемся в 1901 г. в Витебске, отмечалось, что «миссионеры в своей деятельности не имеют организованного плана и инструкции, не получают никакого вознаграждения за свои труды» [9]. Кроме того, духовенство большей частью не было готово ни теоретически, ни практически к осуществлению миссионерских задач. О своей профессиональной подготовке В. Беляев писал следующее: «...я из академии не вынес решительно никаких знаний по обличению раскола. Правда, лекции у нас читались по этому предмету целый год, но так как нового в них, сравнительно с семинарскими уроками, не сообщалось, то аудитория обыкновенно оставалась наполовину пустою... На экзамене мы отвечали по своим семинарским учебникам, получая высший бал за такие ответы, которые в семинарии признавались почти неудовлетворительными» [10].

Серьезным соперником для православия оставался католицизм, влияние которого в силу исторических обстоятельств в белорусских епархиях было достаточно устойчивым. Православная церковь во многом опиралась на поддержку государства. «Постоянные розыски лиц, упорно отклоняющихся от православия, воздействие на них через посредство чинов полиции, постоянное хождение по судам и возбуждение дел «о совращении» занимает у этих пастырей все их свободное время», – так характеризовал деятельность духовенства православный идеолог И. Фудель

[11]. Он призывал духовенство заниматься пастырской деятельностью, укреплением религиозности в большей степени, нежели политикой.

После выходов царских манифестов о свободе совести и вероисповеданий в 1905 г. старообрядчество и неправославные конфессии получили право легализовать и расширить свою деятельность, заняться религиозной пропагандой. По всей империи начались массовые переходы из православия в ислам, сектанство и католицизм. РПЦ утратила свои привилегии в области миссионерства, хотя формально оставалась в государстве как «первенствующая и господствующая». Перед церковью стояла проблема укрепления собственного авторитета. В среде духовенства стали звучать призывы немедленно созвать поместный собор, чтобы с его помощью провести ряд реформ в церковной жизни. Однако правительство, которое с неохотой шло на демократические преобразования, долгое время не давало санкции на проведение собора. Тем не менее церковь, опираясь на собственные силы, предпринимала попытку выработать систему мер, способную противостоять влиянию других конфессий. В таких условиях прошел в Киеве в 1908 г. 4-й всероссийский миссионерский съезд, на котором помимо вопросов, касающихся исключительно миссионерства, была поднята проблема возрождения православия, адаптации церкви к новым социальным условиям. На съезде много говорилось о расширении работы среди раскольников, сектантов, мусульман и католиков; разрабатывалась программа борьбы с неверием и идеями социализма. В этом же году Святейший Синод издал новые правила для устройства внутренней миссии. В них был сделан акцент на привлечении к миссионерству мирян через организацию церковно-приходских попечительств, кружков ревнителей православия и миссионерских братств; подчеркивалась необходимость активизации пастырской деятельности священников [12].

Рубеж XIX–XX вв. характеризовался ростом религиозного индифферентизма, заметными успехами естественных наук, распространением материалистических идей. Ортодоксальное богословие не соответствовало духу времени. Появилась острая необходимость реформирования не только богословской системы, но и всего церковного строя. Православное духовенство стремилось расширить религиозную пропаганду путем создания различных обществ, кружков, распространения специальной литературы, организации чтений богословско-философского и религиозно-нравственного характера. Например, в 1908 г. в Русском собрании Вильно по инициати-

ве архиепископа литовского и виленского Никандра открылся цикл богословских чтений для интеллигентной публики. Слушателям предлагались чтения о смысле христианских догматов, об учении Ф. Ницше и др. Сам архиепископ предложил чтение на тему «Против современного неверия. Свидетельства науки (положительной) видимой природы и гениальных людей о бытии Божиим». Автор подчеркивал несостоятельность атеистического мировоззрения, неспособность науки доказать небытие Бога.

Вопросы миссионерства широко обсуждались и на местных епархиальных съездах, в церковной печати. Главным его направлением стала борьба с католицизмом, поэтому первоочередной задачей православного клира была разработка мер, способных нейтрализовать влияние костела на православное население. В документах епархиальных съездов отмечалась необходимость улучшения богослужебной практики: предписывалось благоустраивать храмы, совершать церковные торжества, крестные ходы, вводить единообразие в службах, организовывать хоровое пение, предполагалось издавать молитвословы, брошюры, обличающие католицизм, и т. д. [13, 14]. В среде православного духовенства ратовали за повышение нравственного авторитета священников: пастыри не должны быть корыстными в своей деятельности, не должны требовать от прихожан высокой платы за требы [15]. Съезд духовенства Литовской епархии предложил учредить суд пастырской чести с целью искоренения «моральных недостатков и слабостей» духовенства [16].

Укрепить свои позиции в Белоруссии церковь стремилась и традиционными средствами – устройством школ и проповедничеством, которые были рассчитаны преимущественно на православное население. Произнесение проповеди предполагало разъяснение догматов веры, а также воспитание религиозных убеждений прихожан. В основе проповеди – вопросы христианской нравственности; духовенство стремилось привить пастве такие качества, как взаимное уважение, любовь к Богу, Родине. Нередко проповедь увязывалась с современностью (отношение христиан к гражданским властям, падение нравственности в обществе и т. д.), носила характер политической пропаганды, защищала монархические интересы. Часто основной идеей проповеди была невостребованность христианских ценностей.

В церковной печати указывалось на то, чтобы собеседования с прихожанами священник вел «на темы обыденной практической жизни» [17]. Обращалось внимание и на методику произнесе-

ния проповеди, которая должна представлять «импровизированное слово», а в его основе – «не заучка и память, не логические доказательства, а живой верующий разумный взгляд на Высшее Существо, мир и человека...» [18]. Православию требовались хорошо подготовленные для миссионерской деятельности кадры. Однако духовные учебные заведения в силу ряда причин не могли подготовить соответствующих специалистов. «Устав православных духовных академий» 1884 г. требовал подготовки политически и профессионально благонадежного персонала. Жесткая цензура заметно снизила теоретический уровень богословских исследовательских работ. В семинариях резко сократился курс философских дисциплин, вместо этого усилилось преподавание церковного пения, были введены сравнительное богословие, апологетика и др. [19]. Этот тип духовной школы не мог всецело соответствовать социальной обстановке начала XX в. и тем более отвечать потребностям миссии. Возникла необходимость повышения общего образовательного уровня православного духовенства, подготовки специальных миссионеров, которые должны были отличаться широкой богословской эрудицией для успешной полемики с иноверцами.

На рубеже XIX–XX вв. важное значение приобрела борьба с протестантскими сектами. Штундо-баптизм появился в Белоруссии в последней четверти XIX ст. Первоначально это вероучение распространилось в Могилевской губернии, затем проникло в Витебскую и Минскую. Власти жестоко преследовали баптистов. Правда, в 1897 г. положение протестантских сект в Российской империи улучшилось, так как правительство стало рассматривать многие из них как «терпимые исповедания». После появления в апреле 1905 г. манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» с иноверцев снимались ограничения в области гражданских прав, отныне им разрешалось свободно отправлять религиозный культ, строить молитвенные дома и т. д. Тем не менее власти пытались препятствовать распространению штундизма. Центром борьбы с протестантскими сектами и старообрядчеством стала Могилевская епархия. Для организации работы с иноверцами здесь в 1906 г. было установлено викариатство, учрежден миссионерский комитет. Предназначение последнего состояло в том, чтобы оказывать материальную поддержку миссионерам, направлять их деятельность. Комитет занимался подготовкой миссионерских кадров, готовил книгонош-собеседников, организовывал курсы для священников. В 1908 г. такие курсы открылись в Гомеле. В их

программу были включены вопросы по истории возникновения и развития старообрядчества и штундо-баптизма, по организации и ведению полемических бесед с иноверцами. Для полемики рекомендовались: «точная определенность предмета беседы», логичность, простота, «образность речи и кроткость тона беседы, благожелательность настроения и отсутствие гневливости, раздраженности и полемического задора» [20].

Большое внимание уделялось вопросу о противодействии католической пропаганде. Организаторы курсов не считали основным методом борьбы учреждение должности противокатолического миссионера, внимание слушателей обращалось на необходимость роста уровня всей церковно-приходской жизни: «Если оживится приход, то мы, не стремясь к прозелитизму и избегая агрессивных действий при подъеме религиозно-нравственном, сумеем с божьей помощью сохранить в православии вверенное нам духовное стадо» [21].

Идеологи православия стремились придать миссии народный характер, что предполагало активное привлечение мирян к миссионерской деятельности. С этой целью в марте 1910 г. в Гомеле были открыты миссионерские курсы для мирян. Занятия проводились следующим образом: «Утром миссионер излагает лекционным способом учение православной церкви, отвергаемое сектантами, и указывает способы его защиты, а вечером устраивается род практических бесед: миссионер делает возражения против разобранного пункта учения, какие делают штундисты, а курсисты, пользуясь полученными на лекции сведениями, опровергают эти возражения» [22].

Особая роль в области миссионерства в этот период отводилась православным церковным братствам, которые появились в Белоруссии еще в XV–XVI вв. как союзы мирян и духовенства, причем представляли собой всесословные объединения. Их деятельность носила благотворительный и религиозно-просветительский характер; одновременно братства вели апологетическую и полемическую работу против унии и католицизма. Во второй половине XIX в. братства пережили процесс своего возрождения. Этому способствовало издание правительством в 1864 г. правил об учреждении православных церковных братств. Власти надеялись с помощью этих организаций привлечь мирян к церковной жизни и тем самым адаптировать православие к новым общественным условиям, противостоять процессу секуляризации и распространению идей свободомыслия и атеизма.

В 1894 г. при епархиальном Свято-Владимирском братстве в Витебске был открыт противораскольнический комитет, который назначал епархиального и окружных миссионеров, занимаясь открытием церковно-приходских школ в тех местах, где проживали старообрядцы. Братства материально поддерживали церковно-приходские школы, распространяли книги религиозно-нравственного содержания, православные иконы, а также оказывали помощь духовенству в проведении внебогослужебных чтений. В своих действиях они руководствовались представлениями «о неразрывном единстве церковных, национальных и культурных начал, а также рассматривали свою деятельность среди православных как важнейшее направление борьбы за сохранение веры и русской народности» [23]. Братские чтения ориентировались на различные слои населения и были открыты для представителей неправославных исповеданий. Слушателям рассказывали о житиях святых, библейских событиях. Крестьяне, помимо религиозно-нравственных наставлений, получали информацию о сельском хозяйстве, медицине, естествознании. Чтения сопровождалось показом световых картин, раздачей братских листков, концертами церковной хоровой музыки. Виленское Свято-Духовское братство на протяжении 1895–1912 гг. провело 3258 таких чтений, которые посетило более 615570 слушателей [24]. В отчете о деятельности братства за 1911 г. говорилось о необходимости увеличения числа чтений из области естествознания, что вызывалось «подъемом любознательности народа». Довольно часто тематика чтений была приурочена к какому-либо событию культурной жизни России, истории Северо-Западного края. Виленским Свято-Духовским братством были отмечены в 1911 г. 50-летие освобождения крестьян, 200-летие рождения М. В. Ломоносова, 250-летие героического подвига виленского воеводы князя Д. Мышецкого и др. [25]. Таким образом, братские чтения имели важное просветительское и миссионерское значение, способствовали укреплению народной нравственности и православия среди населения. Наряду с этим они были тесно связаны с государственными и политическими структурами, что во многом ограничивало их деятельность. По существу братства являлись институтом официальной церкви. Бюрократизм церковного управления, административная скованность, недостаток материальных средств помешали братствам активно проявить себя в общественной жизни Белоруссии.

Анализ миссионерской деятельности православного духовенства позволяет заключить, что церковь стремилась к поискам новых методов и

форм борьбы с иноверием, предпринимала попытки организовать миссионерство, опираясь на внутренние духовные основания, отказаться от политики репрессивных мер воздействия. Миссионерская деятельность РПЦ рубежа XIX–XX вв. была главным образом направлена на повышение религиозно-нравственного уровня православного населения, оживление приходской жизни, что в свою очередь требовало глубоких преобразований в недрах самой церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеистический словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1985. – С. 274.
2. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. – СПб., 1904. – С. 26.
3. Полное собрание Законов Российской империи. – Собрание 3. Т. III. – СПб., 1886. – С. 219–220.
4. Церковные ведомости. – 1888. – № 28. – С. 175–182.
5. Скворцов В. Второй миссионерский съезд в Москве. – М., 1891. – С. 33–36.
6. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: В 6 т. – Мн.: «Беларуская Энциклапедыя» імя П. Броўкі, 2001. – Т. 6. Кн. 1. – С. 406.
7. Миссионерское обозрение. – 1898. – № 2. – С. 334–336.
8. Беляев В. Под впечатлением живого дела. – Витебск, 1903. – С. 53.
9. Там же. – С. 22.
10. Там же. – С. 10–11.
11. Фудель И. Наше дело в Северо-Западном крае. – М., 1893. – С. 7.
12. Вестник Миссионерского обозрения. – 1908. – № 6. – С. 937–945.
13. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1907. – № 7. – С. 140.
14. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 17. – С. 336.
15. Минские епархиальные ведомости. – 1906. – № 8. – С. 220.
16. Литовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 51–52. – С. 402.
17. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1908. – № 13. – С. 274.
18. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1907. – № 14. – С. 228.
19. Федоров В. А. Духовное образование в русской православной церкви в 19 веке // Педагогика. – 2000. – № 5. – С. 82.
20. Жудро Ф. Миссионерские курсы в Гомеле. – 1908. – С. 9.
21. Там же. – С. 20.
22. Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. – 1910. – № 7–8. – С. 166.
23. Донских Т. Л. Культурно-просветительская деятельность западнобелорусских православных церковных братств на рубеже XIX–XX веков // Этносацыянальныя культурныя працэсы у заходнім рэгіёне Беларусі: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы рэспубл. навук. канф. 5–6 сн. 1997 г., Гродна, 1998. – С. 359.
24. Там же. – С. 360.
25. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского братства за 1911 год. – Вильна, 1912. – С. 50.